

Российская академия наук
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российский государственный архив литературы и искусства

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ ВРЕМЕННОК

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

КНИГА 3

ПИСЬМА И ДНЕВНИКИ В РУССКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ XX ВЕКА

МОСКВА — 2018

*Основатель издания — Текстологическая комиссия секции языка
и литературы ОИФН РАН*

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований по проекту № 18-112-00228,
не подлежит продаже

Ответственный редактор — *Н.В. Корниенко*

Редколлегия:

*Акимова А.С. (ответственный секретарь), Быстрова О.В., Воронцова Г.Н.,
Грачева А.М., Горяева Т.М., Матевосян Е.Р., Московская Д.С.,
Папкова Е.А., Полонский В.В., Терехина В.Н., Трубилова Е.М.,
Тюрина Е.А. (секретарь), Царькова Т.С., Шубникова-Гусева Н.И.*

Рецензенты:

доктор филологических наук *А.И. Чагин*
доктор филологических наук *М.И. Щербакова*
кандидат филологических наук *А.П. Зименков*

Т307 ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ ВРЕМЕННИК. Русская литература XX века:
Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в
русском литературном наследии XX века. — М.: ИМЛИ РАН, 2018. —
880 с.

Третий выпуск «Текстологического временника» посвящен исследованию широкого комплекса вопросов, связанных с изучением писем и дневников. Источниковедческий и текстологический ракурс в подходе к изучению документов личного происхождения, «эго-документов», определил специфику представленных в коллективном труде уникальных материалов по истории русской литературы XX в., подготовленных ведущими отечественными источниковедами и текстологами.

Вниманию читателей предлагаются исследования, выполненные на основе новых архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот и представляющих уникальные документы жизни и творчества русских писателей, литературного процесса и истории науки XX в.

Издание адресовано филологам и историкам, преподавателям и студентам, всем, интересующимся Историей русской литературы XX в.

«АФОН» БОРИСА ЗАЙЦЕВА. К ИСТОРИИ ТЕКСТА

Аннотация: Рассмотрена творческая история книги Б. Зайцева «Афон» (1928). Выявлены различия трех печатных редакций. Основное внимание уделено сопоставлению текста с записями в дневнике, который Зайцев вел во время своего паломничества (ныне в РГАЛИ), а также с его письмами к родным.

Установлено, что уже на Афоне был составлен план книги, определены узловые сцены и картины. Некоторые сюжеты перешли в книгу из дневника почти дословно, а фрагменты из писем стали ее страницами. Анализ записей приводит к выводу, что в основу «Афона» были положены живые впечатления писателя. Нередко Зайцев писал практически набело, внося при окончательной отделке текста лишь незначительную правку. В других случаях краткая запись дневника разворачивалась в целостную художественную картину. Уже в дневнике Зайцев выступает как импрессионист, передающий в слове колорит и форму, он знакомит читателя с миром монашества через эмоцию и образ. Проанализирована и тенденция автора к переработке ряда записей, обусловленная стремлением автора выявить внутреннюю, духовную суть монашества.

Abstract: The article studies the history of the book *Athos* (1928) by B. Zaitsev. Differences between the three printed editions are revealed. A great attention is paid to the comparison of the text with the diary Zaitsev kept during his pilgrimage as well as with his letters to his family.

It is established that some passages of the diary are reproduced in the book almost literally, and some fragments of his letters become pages of the book. Classification and analysis of the diary records allows to conclude that the content of *Athos* was influenced by live impressions of the writer. Quite often Zaitsev almost did not write drafts, making only insignificant changes at the final stage of his work. In other cases a short record developed into a complete artistic picture. In his diary the writer acts as an impressionist conveying color and form by means of words. He acquaints the reader with the monkhood through emotions and images.

The article also focuses on the author's tendency to revise his recorded observations and his desire to reveal an internal spiritual essence of what he had seen.

Ключевые слова: Афон, Борис Зайцев, русское зарубежье, текстология, творческая история, дневник, монашество

Keywords: *Athos*, Boris Zaitsev, Russian literature, Russian emigration, textual studies, history of a work, diary, monkhood.

В мае-июне 1927 г. Борис Зайцев совершил путешествие в Грецию, побывал в Афинах и на Афоне. Паломничество на Святую Гору он считал важнейшим событием в своей биографии: «В своем грешном сердце уношу частицу света афонского, несу ее благоговейно, и что бы ни случилось со мной в жизни, мне не забыть этого странствия и поклонения, как, верю, не погаснуть в ветрах мира

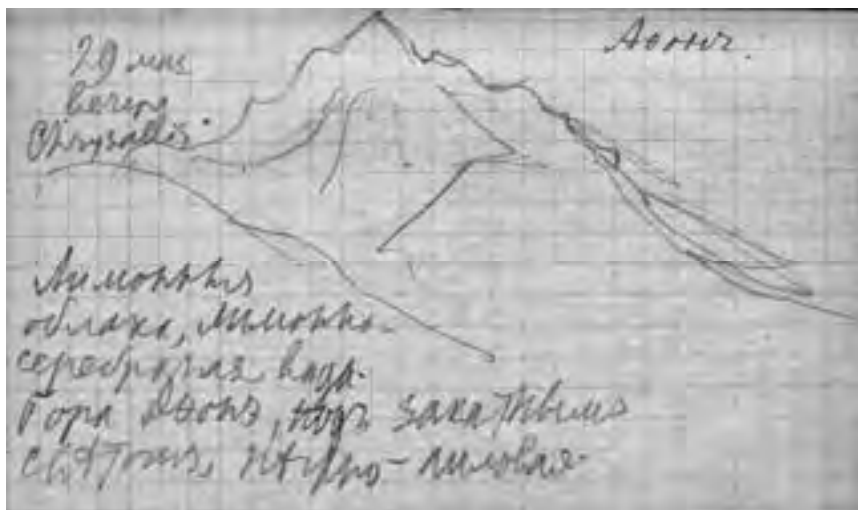

Рис. 1. Вид Афона с борта парохода «Хризалида». Рисунок Б. Зайцева в афонской записной книжке

самой искре»¹. Эти строки заключают книгу «Афон», ставшую главным художественным плодом путешествия. Впоследствии писатель не раз возвращался к волновавшей его теме. Первый и последний из опубликованных им материалов афонской тематики разделяют 42 года.

Книга Зайцева хорошо известна российскому читателю. Впервые в России опубликованная Е.В. Воропаевой в журнале «Литературная учеба» (1990. № 4), она неоднократно перепечатывалась, входила в собрания сочинений и сборники Б.К. Зайцева. Популярность среди читателей она приобрела благодаря сочетанию познавательности и высоких художественных достоинств, став одним из лучших описаний Афона в XX в.

Во всех российских изданиях текст взят из сборника «Избранное» (Нью-Йорк, 1973). Между тем существуют ранние редакции — главы будущей книги сначала печатались в газетах, а первое отдельное издание книги вышло в 1928 г.

С первых дней путешествия Зайцев предполагал писать путевые очерки, своеобразные «репортажи с мест» для газеты «Последние новости». С июня по октябрь 1927 г. здесь появились девять очерков под общим заглавием «На Афон»: «Морское странствие», «Афины (Жизнь)», «Афины (Памятник)», «Встреча», «Андреевский скит», «Монастырь св. Пантелеймона», «Монастырская жизнь», «Каруля», «Лавра и путешествие». Первые три посвящены началу путешествия и описанию афинских достопримечательностей. В будущую книгу «Афон» они не вошли. Прекратив сотрудничество с «Последними новостями», Зайцев продолжил публикации в газете «Возрождение», где в октябре–декабре 1927 г. напечатаны еще пять очерков (уже без обозначения цикла «На Афон»): «Монастыри Афона», «Святые Афона (Пустынный. Строитель. Певец)», «Новая Фиваида», «Тихий час (Библиотека. Крин сельный. Гробница. Fuori le mura)», «Прощание с Афоном (Ненаписанное письмо. Хризалида. В море далече)». (Рис. 1.)

Рис. 2. Обложка первого издания книги «Афон»

Очерки, начиная с четвертого («Встреча») и заканчивая последним («Прощание с Афоном»), стали главами книги «Афон», вышедшей в 1928 г. в Париже в издательстве YMCA-PRESS (Рис. 2). В 1973 г. книга была републикована в Нью-Йорке, войдя в состав «Избранного» (книгоиздательство «Путь Жизни»)².

Отличия издания 1928 г. от серии газетных очерков следующие.

Последовательность, количество и названия очерков (глав) совпадают (лишь очерк «Монастыри Афона» переименован в книге в главу «Пантократор, Ватопед и Старый Руссик»). Составляя из очерков единую книгу, Зайцев снабдил ее предисловием и шестнадцатью развернутыми историко-культурными комментариями, помещенными в конце. Книга вышла с посвящением митрополиту Евлогию (Георгиевскому), тогдашнему управляющему русскими православными приходами Московской Патриархии в Западной Европе. Под предисловием стоит дата — 1 февраля 1928 г., обозначающая, видимо, окончание работы над книгой.

Существенные текстовые различия таковы.

Фрагмент *До войны монастырь... ~ ... новыми соками обновляется вековечный Афон* (из главы «Монастырь св. Пантелеймона», где речь идет о пополнении монастыря русским эмигрантами) перенесен в примечание под номером 9.

Убраны абзацы: *Лавра св. Афанасия восходит к X веку. ~ ... Лавры-сокровищницы и клада* из главы «Лавра и путешествие» (все сведения о св. Афанасии помещены в главке «Строитель»); *Могил потому мало... ~ ... совсем недавние погребения* из главки «Гробница» (описание погребения на Афоне перенесено в примечания); снята фраза, завершающая главку «Хризаллида» (*Недалеко от меня на палубе расположились три греческих коммуниста. Они пили вино из огромной фляги, полупьяными голосами орали неприличные песни. К моему огорчению — на языке русском*) и юмористическое замечание (*Меня этой ночью враг не тревожил. Блохи же ели*).

В остальном текст подвергся незначительной стилистической правке (вставлены, вычеркнуты или заменены отдельные слова, части предложений). Выправлены некоторые (но не все) архаичные окончания (*под защитой* — *под защитой*, *с половиною* — *с половиной* и др.). Имя монастырского библиотекаря, отца Виссариона, заменено в книге криптонимом: *о. В.*

Различия редакций 1928 и 1973 гг. не столь существенны. Книга «Избранное» вышла на следующий год после кончины Б.К. Зайцева, однако, по-видимому, писатель успел внести правку (весьма, впрочем, незначительную), готовя текст к новому изданию³.

Книга 1928 г. издана на старой орфографии, 1973 — на новой. Перевод на нее осуществлен, скорее всего, издателями. Приведены к современной норме написания слов, в прежних редакциях писавшиеся с двойными согласными («мокасины», «привиллегия», «корридор», «галерея», «апартаменты», «униссон»). Названия национальностей, писавшиеся в первых редакциях с прописной («Сербы», «Турки»), пишутся со строчной буквы. Исправлены опечатки текста 1928 г.

Во всех своих очерках, дневнике, первом издании книги Зайцев соблюдает орфографическое различие в написании слов «келья» и «келлия». Первое означает жилую комнату монаха в монастыре, второе — небольшую обитель с братией в 15–20 человек. Такое различие принято и в современной литературе об Афоне. К сожалению, в издании 1973 г. написание унифицировано редакцией как «келлия».

Текстовых отличий немного. Из предисловия исключены абзацы:

«Мир» всегда шел сюда за уроком духовного благообразия. Сейчас связь с Родиной прервана — это ничего не значит. Афон видал столетия отрыва от нее (во времена монгольского ига), он вообще ориентирован на вечность. Вместо поклонников с Востока к нему идут теперь поклонники с Запада, пусть в меньшем числе, но тоже русские, и другого общественного положения: вместо крестьян и купцов — более просвещенный слой. Настанет, конечно, время, придет и Россия.

Она и сейчас есть на Афоне, в лице его русского населения, русского монашества — густая, крепкая и корневая Русь. Одно из очарований Афона: в нетронутой чистоте русский тип, склад, язык, то, что близко и что трогает, конечно, лишь нас, русских. «Гордый взор иноплеменный» скользит мимо⁴.

Причина этого изъятия понятна: к 1970-м гг. на Афоне осталась лишь горстка русских монахов.

В главе «Каруля» исключен фрагмент текста (около 10 строк): *Сзади шел разговор по-немецки ~ Почему нет врачей?*⁵ Стилистическая правка незначительна; в частности, выправлены оставшиеся в редакции 1928 г. архаические окончания («с неизменною веселою» — «с неизменной веселой», «изящною колокольню» — «изящной колокольней» и др.).

Вернемся к истории создания книги. Ее замысел родился у Зайцева еще до поездки: «30 апреля я уезжаю на Афон. Думаю написать о нем книгу», — признавался он И.А. Новикову 23 апреля 1927 г.⁶ В письме жене от 16 мая (пятый день на Афоне) сообщал: «Не знаю, как буду писать книжку, это еще неясно»⁷. Но к концу мая замысел уже сложился: «Писать буду об Афоне, кажется, много. *Есть о чем.* Уже составил приблизительный план»⁸. Этот план мы обнару-

живаем в записной книжке Зайцева, под 26 мая (это пятнадцатый день пребывания на Афоне).

Сопоставим его с итоговой структурой книги:

План книги в дневнике

- I. Встреча.
- II. Что такое Афон?
- III. Мой первый день.
- IV. Русский монастырь св. Пантелеймона.
- V. Люди Афона
- VI. Путешествие — Каруля, Лавра, Иверон, Пантократор, Ватопед.
- VII. Жизнь монастыря — русского и греческого.
- VIII. Душевная настроенность.
- IX. Святые Афона.
- X. Мученики.
- XI. Русские старцы XIX века.
- XII. Второе путешествие — еще о пустынных Афона.
- XIII. Природа и пейзажи Афона.
- XIV. Искусство на Афоне.
- XV. Смысл Афона для мира и смысл мира для Афона⁹.

Главы книги

- Встреча
- Андреевский скит
- Монастырь св. Пантелеймона
- Монастырская жизнь
- Каруля
- Лавра и путешествие
- Пантократор, Ватопед и Старый Русик
- Святые Афона
- Новая Фиваида
- Тихий час
- Прощание с Афоном

Очевидно, что в большей части первоначальный план воплотился в итоговом тексте. Пять глав из пятнадцати почти не изменили своих названий. Глава о первом путешествии по монастырям разделена на три отдельных. Нереализованным остался замысел глав «Мученики» (о них приведены лишь краткие сведения в примечаниях) и «Русские старцы XIX века». Главы о природе, пейзажах и искусстве автор не стал выделять в отдельные: их описания проходят сквозь всю книгу. Отказался Зайцев и от развернутых историсофских глав («Что такое Афон», «Смысл Афона для мира...»), лапидарно сказав об этом во вступлении.

Ценным источником является записная книжка, которую писатель вел, находясь на Афоне. Она хранится в РГАЛИ (Ф. 1623. Оп. 1. Ед. хр. 8) и представляет собой блокнот, разлинованный типографским способом; листы пронумерованы от руки. На первой странице заглавие — «Афон». Записи сделаны на листах 1–53 об., карандашом. На листах с 6 по 10, 17, 24 об., 48 и 48 об. имеются рисунки. На последней странице написано синей шариковой ручкой: «Записи ведены мною летом 1927 года на Афоне. Бор. Зайцев. 15 апреля 1966 г. Париж»¹⁰.

Записная книжка, наряду с письмами, которые Зайцев отправлял с Афона, дают возможность проникнуть в творческую лабораторию художника. А.В. Громовой впервые проведено сопоставление текста книги с первоначальными набросками, содержащимися в письмах и путевом дневнике, и сделан ряд интересных наблюдений¹¹. Дополним их.

Все записи можно разделить на группы: выписки из исторических источников, отдельные заметки и справки, описания событий, встреч и впечатления писателя от них, рисунки. В первые дни своего пребывания в Пантелеймоновом монастыре Зайцев взял из монастырской библиотеки книги, с которыми работал в последующие дни. Записная книжка пестрит выписками из этих изданий второй половины XIX в., среди них — несколько томов «Истории Афона» епископа Порфирия (Успенского), «Русский монастырь Св. Великомученика и Целителя Пантелеймона на Святой Горе Афонской», «Путеводитель по Св. Афонской Горе и Указатель ее святынь и прочих достопамятностей», «Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской», «Рассказ святогорца, схимонаха Селевкия, о своей жизни и о странствовании по святым местам...», «Афонский патерик». Но для художественных целей эти источники оказались малопригодны: «То, что читаю здесь, из библиотеки, очень мало приносит — это все штампы, хотя писано иногда прекрасными людьми», — сообщает Зайцев 16 мая¹².

Сведения об истории афонского монашества, Пантелеймонова монастыря и других обитателей, выписанные из книг, отразились в тексте книги и в примечаниях в незначительной степени. Лишь фрагменты житий святых Петра, Афанасия и Иоанна Кукузеля, взятые из Патерика и слегка обработанные, составили главу «Святые Афона». Сведения о мучениках начала XIX в. приведены в примечаниях. Кроме того, практически в неизменном виде перешли из дневника в книгу цитаты из Святогорца об особенностях погребения на Афоне, о подвижниках Тимофее и Синесии из книги отца Селевкия, строки из Акафиста Покрову Богородицы, выписки из «Лествицы» св. Иоанна Лествичника (по наблюдению А.В. Громовой, Зайцев не включил в книгу те выписки из «Лествицы», где постулируется отказ от мирского понимания красоты, эмоциональности, нежности, — у светского читателя они вызвали бы слишком резкое несогласие¹³).

Б.К. Зайцев интересовался богослужебным уставом, записывая в блокнот расписание служб, внося дополнения, уточняя время. Эти заметки послужили материалом для страниц о распорядке дня в Пантелеймоновом монастыре. Но большинство очерков, составивших книгу, построены на живых впечатлениях писателя от бесед, встреч, путешествий по Афонской горе. Вернувшись 21 мая из пятидневной поездки по монастырям, Зайцев замечает: «это путешествие будет, видимо, центром моего писания об Афоне»¹⁴. Так оно и вышло: описание этого пути занимает четверть объема книги, распределено на три главы. Сведения и факты, почерпнутые из исторических источников, изложены весьма кратко и большей частью отнесены в примечания.

Таким образом, в «Афоне» реализован иной подход к материалу, чем в книге о преподобном Сергии Радонежском (вышедшей тремя годами ранее), где все повествование было построено на церковно-исторических источниках и часто являлось их художественно обработанным конспектом.

В письме от 29 мая Зайцев сообщает: «писать на Афоне о путешествии не хотелось, да и все было устремлено на самый Афон, читал, разговаривал, ездил, смотрел»¹⁵. Однако это не совсем так. То, что узнал и увидел, Зайцев старался все-таки записывать.

В блокноте наряду с выписками, заметками, рисунками имеются странички, представляющие собой типичный дневник путешественника¹⁶. Таких дневниковых записей девять — первая датирована 19 мая, затем ежедневные записи с 23 по 29 мая, последняя — 5 июня. Это путь в Новую Фиваиду, рассказ о Игнатия, встречи с пустынножителями о. Нилом и о. Ильей, осмотр библиотеки Пантелеймонова монастыря, прогулка к морю. Некоторые сюжеты перешли в книгу из дневника почти дословно, например, осмотр монастырской гробницы, реплики отца Виссариона и его помощника о. Марка. Но большинство подобных записей — сжатые конспекты, наброски, которые в книге развернуты в повествование, обрамлены дополнительными художественными и смысловыми деталями, новыми штрихами. Представление о такой обработке текста дает сопоставление строчек из дневника и книги, например:

Дневник

24 мая. Ночь на «фондарике». Блохи. Отворяю окно, свежий воздух, засыпаю. В 6 ч. литургия. Малая церковь, поют очень плохо, хуже, чем где-либо на Афоне, монахов мало. Все очень старые, и очень утомленные. Одеты очень бедно. Днем они работают на «киперах» («кипос» по-гречески огород, русское искажение — кипер). Тем трогательнее упорство их. Некоторые дремлют в тасидиях¹⁷.

Наконец, доходим до каливы о. Нила. Вылезает старичок со слезящимися глазами <...> Он очень тих, и едва ворочает языком. Хочет угостить фигами, идет, роется, потом смущенно докладывает, что нам не могут понравиться его смоквы. Впоследствии, от провожатого нашего, о. Петра, узнаю, что питается старец почти исключительно «камарней» и гнилыми фигами, запасы которых делает на год¹⁹.

Приводя примеры художественной переработки непосредственных наблюдений, А.В. Громова замечает: создавая портреты иноков, автор исключал черты, приземляющие образ, добавлял штрихи, его возвышающие и даже иконописные. Точно так же негативные впечатления от скита Новая Фиваида, записанные в дневник («поют плохо», «все старые», «одеты бедно»), в тексте книги сглаживаются («старички в рясах святой бедности», «вечный дух монашеской

Книга

Заснуть долго не удавалось, потом задремал под музыку грома. Утром пошел я на литургию в небольшую скитскую церковку, недалеко коридорами. Там было несколько сморщенных и согбленных старичков в рясах святой бедности <...> В этом старческом, неголосистом хоре, в скудной утвари и скудных рясах, в бедном утре, хмурыми облаками несшемся над скитом с недостроенным небольшим храмом, так ясно сквозил облик простоты и нищенства, камарни и несвежих фиг, жизни, лишенной всяческих «ублажений» и «ласкательств» — вечного духа монашеской Фиваиды, на этот раз исконно-русской¹⁸.

К нам вышел старик с воздушно-снеговым обрамлением лысого черепа, в накинутой на плечи как бы малороссийской свитке, покорный и несколько удивленный. Глаза его, ровно-выцветшие, с оттенком «вечности» слегка слезились. Он опирался на высокую палку²⁰.

Фиваиды»). От поверхностных впечатлений писатель переходил к глубокому осмыслению самого феномена монашеского служения²¹.

Иногда из записей дневника, как из зерен, прорастают развернутые картины. В одной из них вид яхты, зашедшей в залив Дафни, навевает на писателя грусть по родным краям, элегические раздумья о том, что пассажиры вскоре забудут непонятную для них афонскую землю. Чуть ниже записано предание о даме, посетившей Афон на пароходе в XIX в. и пагубных последствиях этого. В книге Зайцев соединяет обе записи, связывает факт из истории монастыря с личным переживанием — так рождается образ гипотетической надменной «американки», взирающей на афонские обитатели. Образуется цельный фрагмент текста, обладающий художественным и смысловым единством.

Дневник

Прогулка (в 5 ч., до 6-ти) к пристани Дафни. Довольно свежий ветер с моря, «батос», море яркосинее, с гребешками. В заливчике Дафни нарядная белая яхта. Американец какой-нибудь сюда заплыл?

На моих глазах [яхта] снимается и уходит в море — бесшумно, и неизвестно, кто на ней, куда едут, с какою целью. Легкая грусть. В ту сторону — Салоники, Афины, Париж. Ощущение, все-таки, робинзонское...²²

Книга

Вышел за монастырь к пристани Дафни <...> Яркий солнечный вечер, цветы дрока, ярко-синее море <...> В заливчике белеет яхта. Зачем она сюда зашла? Кто на ней? И надолго ль?

Может быть, любознательная американка разглядывает сейчас с борта загадочную страну, на чью землю ступить не может? <...>

Яхта бесшумно поворачивается. Трубы белеют, дымят, легко, бесцельно и без жалости уходит она вдаль от наших берегов <...>

Я помахал платочком яхте. «Мир» уходил. Мы оставались — необитаемый остров. Уединенный брег, уединенный край, сизеющее в лиловатости море вечернее и там, за краем его — Афины, Франция, Париж...²³

Сопоставление текстов дневника и книги показывает, что Зайцев часто писал практически набело, внося при окончательной отделке текста лишь незначительную правку, добиваясь большей выразительности, образности, эмоциональности. Уже в дневнике Зайцев выступает как живописец, пытаясь словом, как мазком, ухватить колорит и форму. В этих записках можно видеть немало примеров изысканного, типично зайцевского импрессионистического стиля, с характерными многосложными определениями, как, например, «*изголуба-мреющий стеклянный залив*»²⁴.

Зайцев сделал несколько рисунков карандашом в записной книжке. Они носят пейзажный характер. Живопись в художественном сознании Зайцева объединялась с искусством словесным. Вероятно, рисунки были знаками, с помощью которых он стремился запечатлеть свое ощущение, чтобы затем точнее его передать красками слова. Такова, например, зарисовка парусной лодки в бухте Морфино (Рис. 3) и подписи над ней (образ этой лодки стал значимым и в книге).

Рис. 3. Пристань Морфино

Интересно проследить, как рисунки удаляющегося Афона, сделанные с борта корабля, и подписи к ним претворились в художественный текст:

Тексты под рисунками в дневнике

Афон. 29 мая. Вечер. Chrysalis.

Лимонные облака, лимонно-серебряная вода. Гора Афон, под закатным светом, нежно-лиловая <...>

Несколько позже. Лонгос смутно-лиловый. Над ним оранжевые облака, у подножья его резкая серебристо-розовая струя, и зеркально розово-голубое море²⁵.

Книга

И вот удаляется тысячелетний Афон. «Хризалида» плавно уходит к западу навстречу быстрому вечеру. Лимонные облака, лимонно-серебряная вода. Гора Афон под закатным светом нежно лиловет. Впереди Лонгос смутно-сиреневый. Позже над ним встали оранжевые облака, у подножья его резкая серебристо-розовая струя и зеркально-розово-голубое море. Вообще вечер полон таких сияний, такого павлиньего блеска и радужных фантазмагорий, точно оркестром исполнялась на прощанье световая поэма²⁶.

Если мы обратимся к письмам, которые путешественник отправлял с Афона родным, то найдем и в них развернутые описания событий и впечатлений, картины монастырской жизни, образы монахов, диалоги. Не составляет труда увидеть, как фрагменты писем становились страницами книги. По верному выражению Н.Б. Зайцевой-Соллогуб, «эти письма стали черновиками, а скорее даже “беловиками”, для его книги “Афон”»²⁷.

Как видим, кроме поездок по обителям, созерцания храмов, посещения служб, бесед с иноками Зайцев был занят и писательским трудом. Помимо писем и дневника, на Афоне Зайцев «закончил писать об Афинах» (как он сообщает 29 мая) — а это три крупных очерка. Таким образом, будущая книга создавалась не после паломничества, но одновременно с ним. Прямо на Афоне был составлен ее план, сделаны необходимые выписки из источников, подготовлен основной текстовый массив. Когда писатель вернулся с Афона, основа книги была готова. Это позволяет понять быстроту, с которой она публиковалась: отдельные главы-очерки, объемом по 15–20 тысяч знаков, печатались в газетах с интервалом в 2–3 недели, а дата под предисловием к отдельному изданию, фиксирующая окончание работы, обозначена как 1 февраля 1928 г.

Накопленного материала хватило не только на книгу. набросок, завершающий афонскую записную книжку, о том, как Зайцев наблюдает с борта парохода дельфинов, черепаху, куропатку, — превратился в самостоятельный очерк «Творение» (Возрождение. 1928. 27 февр.). История появления этого очерка показательна для творческого метода писателя. Зайцев плывет наконец к дому, по которому так соскучился. О том, что увиденные твари «у себя дома, а я на чужбине», он размышляет в записях дневника. Позже он придаст этим записям кольцевое обрамление, введя раздающуюся на корабле молитву грека с рефреном «Благословите дела Господни!». Из случайных, «легких», как выразился Зайцев, путевых заметок чуткого к окружающему пассажира вырастает лирико-философское эссе — размышление о Творце и Его творении.

Так в книге «Афон» создавалась «эстетическая проповедь» Бориса Зайцева, который знакомил читателя с миром русского монашества через ощущение, эмоцию и образ. В полном соответствии с программным заявлением во вступлении к книге: «Богословского в моем писании нет. Я был на Афоне православным человеком и русским художником. И только <...> Я пытаюсь дать ощущение Афона, как я его видел, слышал, вдыхал»²⁸.

¹ Зайцев Б.К. Афон // Зайцев Б.К. Афины и Афон. Очерки, письма, афонский дневник / Сост., вступит. статья, подгот. текста и коммент. А.М. Любомудрова. СПб.: Росток, 2011. С. 149.

² Зайцев не раз возвращался к афонской тематике и позже, опубликовав очерки и заметки «Бесстыдница в Афоне» (Возрождение. 1929. 22 сент.), «Вновь об Афоне» (Возрождение. 1929. 13 дек.), «Афонские тучи» (Возрождение. 1933. 1 окт.), «Афон. К тысячелетию его» (Русская мысль. 1963. 24 июля), «Дни. Афон» (Русская мысль. 1969. 9 янв.).

³ Наряду с «Афоном» в сборник вошли «Преподобный Сергей Радонежский» и «Валаам». Редакторское пояснение, что книга о преп. Сергии есть перепечатка первого ее издания «с небольшими, внесенными автором, поправками и изменениями» с полным основанием можно отнести и к тексту «Афона».

⁴ Зайцев Б.К. Афины и Афон. С. 65.

⁵ Там же. С. 101–102.

⁶ Зайцев Б.К. Собр. соч. Т. 11: Письма. Статьи. Воспоминания современников. М.: Русская книга, 2001. С. 34.

⁷ Зайцев Б.К. Письма к родным из Афин и с Афона // Зайцев Б.К. Афины и Афон. С. 240.

⁸ Там же. С. 248.

⁹ Зайцев Б.К. Афонский дневник // Зайцев Б.К. Афины и Афон. С. 219.

¹⁰ Там же. С. 229.

¹¹ *Громова А.В.* Творческая история книги Б.К. Зайцева «Афон» // Русский язык за рубежом. 2008. № 4. С. 89–95.

¹² *Зайцев Б.К.* Письма к родным из Афин и с Афона // *Зайцев Б.К.* Афины и Афон. С. 240.

¹³ *Громова А.В.* Творческая история книги Б.К. Зайцева «Афон». С. 94.

¹⁴ *Зайцев Б.К.* Письма к родным из Афин и с Афона // *Зайцев Б.К.* Афины и Афон. С. 242.

¹⁵ Там же. С. 247.

¹⁶ На Святой Горе Зайцев провел 18 дней. Подневную летопись поездки Зайцева см.: Летопись путешествия Б.К. Зайцева в Грецию в 1927 году // *Зайцев Б.К.* Афины и Афон. С. 251–258.

¹⁷ *Зайцев Б.К.* Афонский дневник // *Зайцев Б.К.* Афины и Афон. С. 208.

¹⁸ *Зайцев Б.К.* Афон // *Зайцев Б.К.* Афины и Афон. С. 139.

¹⁹ *Зайцев Б.К.* Афонский дневник // *Зайцев Б.К.* Афины и Афон. С. 208.

²⁰ *Зайцев Б.К.* Афон // *Зайцев Б.К.* Афины и Афон. С. 133.

²¹ *Громова А.В.* Творческая история книги Б.К. Зайцева «Афон». С. 21.

²² *Зайцев Б.К.* Афонский дневник // *Зайцев Б.К.* Афины и Афон. С. 217–218.

²³ *Зайцев Б.К.* Афон // *Зайцев Б.К.* Афины и Афон. С. 145–146.

²⁴ Там же. С. 145.

²⁵ *Зайцев Б.К.* Афонский дневник // *Зайцев Б.К.* Афины и Афон. С. 227.

²⁶ *Зайцев Б.К.* Афон // *Зайцев Б.К.* Афины и Афон. С. 148.

²⁷ «Напишите мне в альбом...» Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От / Авт.-сост. О.А. Ростова; коммент. Л.А. Мнухин. М.: Русский путь, 2004. С. 124. Три письма (от 14, 16 и 21 мая) были опубликованы, с минимальными купюрами, в журнале «Перезвоны» (1928. № 40) под заглавием «Афонские дни (Из заметок)».

²⁸ *Зайцев Б.К.* Афон // *Зайцев Б.К.* Афины и Афон. С. 64–65.